9. *Taylor, P.M.* Ethnological features of cultural heritage of Ganja (On the basis of Mahsati Ganjavi′s creation) / P.M. Taylor, E.L. Hasanov // International scientific journal Theoretical & Applied Science, 2013. – № 12 (8). – P. 41–44.

10. The dawn of Art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1974.

УДК 94 (470.56)

А.О. Иванов
Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.А. Иванов

«НЕ НАША ВИНА, ЧТО НАМ НЕ СУЖДЕНО БЫЛО ПОСЛУЖИТЬ ВОЙСКУ С ТЕМИ ПУШКАМИ, КОТОРЫМИ МЫ ТАК ДОРОЖИЛИ...» БОЕВОЙ ПУТЬ 1-ГО ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИВИЗИОНА (23 ноября 1917 – 8 февраля 1918 гг.)

Статья посвящена публикации ранее только частично введенного в научный оборот документа, освещающего малоизвестные в историографии события начального этапа Гражданской войны на территории Южного Урала, а именно: процесс возвращения казачьих частей с фронтов Первой мировой войны и реакцию казаков на происходящие в регионе события.

Историография, боевые действия, Гражданская война, казачество, Уральское казачье войско, Оренбургское казачье войско.

The article is devoted to an earlier partially published document, depicting the little-known events in the historiography of the initial stage of the Civil War in the South Urals, namely, the return of Cossack units from the World War I front lines, and the Cossacks' reaction to the developments in the region.

Historiography, battles, civil war, the Cossacks, Ural Cossack troops, Orenburg Cossack army.

Современная историография изучения боевых действий Гражданской войны на территории Южного Урала планомерно пополняется новыми исследованиями. Важно отметить, что история фронтовой Гражданской войны вызывает много спорных и дискуссионных вопросов применительно к тому, как именно, а зачастую и где конкретно проходили боестолкновения вооруженных формирований, и что содержит недостаточное количество и объем описаний конкретных боевых действий. На многие вопросы такого характера отвечают делопроизводственные материалы военных формирований. Данных материалов, к сожалению, сохранилось немного. Стоит сказать, что до настоящего времени не существует единого и четко структурированного комплекса документов по истории Оренбургского [3, с. 36–41] и Уральского казачьих войск [2, с. 144–149] вследствие утраты большей части архивных материалов во время боевых действий, пожаров, хищений и вывоза за границу, даже присвоения для домашних нужд. Необходимо отметить наличие отдельных уцелевших документов, копий листов дел в государственных архивах и библиотеках Российской Федерации, Республики Казахстан, Китая, США и других стран. В связи с этим, важно вводить в научный оборот документы, освещающие сложные и противоречивые события периода Гражданской войны.

Большую ценность представляет рапорт командира 1-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона Н.А. Пискунова[1] от 9 августа 1918 г. за № 37. в Оренбург, поданный им на имя Войскового атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова. Рапорт был обнаружен во время работы в Государственном архиве Оренбургской области [5]. Необходимо отметить, что каких-либо других документов в том же архиве, позволяющих уточнить и проследить дальнейшую судьбу дивизиона, к сожалению, найти не удалось.

Указанный рапорт в полном объеме не публиковался, хотя его материалы в исторической литературе частично использовались [6, с. 194, 195]. В советской и в современной историографии весьма подробно описаны противоречивые события, традиционно именуемые «мятежом Дутова», а также биография атамана [4, с. 111–137].

[1] Пискунов Николай Андреевич (род. 24 ноября 1879 г. – дата смерти неизвестна) – из станицы Оренбургской 1-го Военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Неплюевское кадетское училище, одноклассник А.И. Дутова. На службе с 31 августа 1897. Участник Первой мировой Войны. За умелое командование неоднократно награжден. К 26 января 1917 г. Войсковой старшина. Ко времени начала движения своего подразделения в пределы Оренбургского казачьего войска командир 1-го Оренбургского казачьего дивизиона (См.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг. Биографический справочник. М.: Русский путь, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С. 447–448).

Вооруженный захват власти большевиками 25 октября (7 ноября) 1917 г. имел решающее значение в процессе установления Советской власти по всей стране на фоне крайне напряженной социально-политической ситуации. Отражением этого было вооруженное выступление части оренбургских казаков во главе с войсковым атаманом, полковником А.И. Дутовым, против захвата власти большевиками.

Атаман оренбургского казачества отказался признать легитимность взятия власти большевиками и призвал казачество с оружием выступить на защиту Временного правительства, ввел в губернии военное положение. В конце 1917 г. А.И. Дутову не удалось получить широкой поддержки со стороны оренбургского казачества, которое в это время заняло выжидательную позицию, а также не была создана боеспособная армия. В пределах Оренбургского казачьего войска сложились лишь локальные, незначительные очаги сопротивления, которые с прибытием на Южный Урал рабочих и красногвардейских отрядов были разбиты. Войсковой атаман в данной ситуации отдал секретное предписание командирам частей, находящимся на фронте, чтобы они приняли меры для прибытия в свои округа. Замысел атамана сводился к тому, чтобы с помощью опытных и «обстрелянных казаков восстановить в крае законную власть» [Цит. по: 6, с. 191]. Не имевший достаточной поддержки А.И. Дутов 18 (31) января 1918 г. вынужден был оставить Оренбург и отступить в Верхнеуральск, а оттуда к станице Краснинской [1, с. 550].

В середине апреля, прорвав красногвардейские заслоны, части под командованием А.И. Дутова ушли в Тургайские степи. Только к началу июля 1918 г. атаману удалось, собрав и сконцентрировав свои войска, выбить из Оренбурга красные части.

На фоне этих сложных и противоречивых событий с фронтов Первой мировой войны возвращались казачьи части, в числе которых был и 1-й Оренбургский казачий дивизион. В целом для казаков Оренбургского и Уральского казачьих войск в январе 1918 г. дорога домой была весьма трудной, так как их эшелоны останавливали красногвардейцы, отцепляли паровозы, выставляли оцепление поезда с пулеметами, требуя полной сдачи оружия.

Можно предположить, что командир дивизиона – войсковой старшина Н.А. Пискунов – знал о секретном предписании А.И. Дутова, но сложившаяся обстановка на территории Южного Урала не позволила в краткие сроки вернуться в пределы войска. Обстоятельства возвращения своего подразделения Н.А. Пискунов подробно описывает в данном рапорте, лейтмотив которого можно выразить следующей цитатой: «...Не наша вина, что нам не суждено было послужить войску с теми пушками, которыми мы так дорожили...».

На рапорт, весьма неразборчивым почерком, наложена резолюция генерала А.И. Дутова от 9 августа 1918 г., из которой явственно следует, что войсковой старшина Пискунов временно освобождается от командования дивизионом и командируется в Верхнеуральск по семейным обстоятельствам (правда, неясно на какой период времени), после чего он должен был вернуться в Оренбург.

При подготовке данной публикации в полной мере переданы особенности, слог и стиль источника, причем последний подвергся незначительным изменениям. Документ публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации русского языка с сохранением стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок, также сохранена авторская разбивка документа по абзацам. Некоторые слова, сокращенные в тексте документа, восстановлены и помещены в квадратные скобки.

Командир
1-го Оренбургского
казачьего
артиллерийского
дивизиона
9 августа 1918 г.
№ 37
г. Оренбург

Войсковому Атаману
Оренбургского
казачьего войска

Рапорт

23-го ноября 1917 г. **1-й Оренбургский**[1] казачий **дивизион** в составе **2-й казачьей сводной дивизии** был командирован из района действующей армии **распоряжением** Главнокомандующего Юго-Западным фронтом **Генерала Володченко** в **область Войска Донского** в распоряжение Войскового Атамана Генерала Каледина, и **3-го декабря** дивизион в составе 1-й и 8-й батарей прибыл в г[ород] **Новочеркасск.** По распоряжению штаба 4-го казачьего корпуса батареи расположились в станице **Кривянской** до подхода входившей в состав корпуса 1 Оренбургской казачьей дивизии, вместе с которой штаб корпуса предполагалось отправить в пределы своего войска. В течение всего декабря со дня на день ожидался поход частей 1-й Оренбургской дивизии и только к Рождеству вернувшаяся из дивизии делегация выяснила, что полки дивизии еще не трогались с мест. Дивизион нервничал, так как по газетным сведениям была ясна неизбежность борьбы на территории родного войска наемников народившейся власти со стародавними хозяевами войсковой земли. **С приходом домой казакам снова предстояла война за целостность своего достояния,** и на эту жестокую борьбу дивизион не хотел выйти с голыми руками: своих, **политых кровью орудий, дивизион никому отдавать не хотел**, считая, что ни один совдеп не в праве отбирать орудия, которыми полномочно распоряжаться только Войсковое Правительство и которые необходимы войску в предстоящей борьбе. Решение, принятое дивизионом, было твердо и было выполнено до конца, если бы последующие события в Оренбурге не изменили коренным образом всей обстановки. Так как надежда на 1-ю дивизию пропала, то, учитывая серьезность положения на орен-

[1] Здесь и далее в тексте жирным шрифтом отмечены слова, подчеркнутые карандашом в документе.

бургском фронте, я испросил разрешение Начальника дивизии и Генерала Каледина отпустить нас одних из Области Войска Донского. Разрешение было дано, но прежде дивизион должен был помочь донским частям **во взятии г[орода] Царицына.** 3-го января 1918 года дивизион выступил по железной дороге к г[ороду] Царицыну и остался в 50 верстах от г[орода] Царицына на ст[анции] Кривомузгинской.

Но, ввиду отказа некоторых донских частей от наступления на Царицын, таковое не состоялось, а продолжающееся разложение всех донских частей и необходимость по дошедшим слухам немедленной помощи родному войску по отражению наступающих большевиков, заставили дивизион отказаться от дальнейшего участия в разрешении царицынского конфликта и непременно следовать в свою область. Чтобы избежать разоружения в крупных большевистских центрах, как Царицын, Балашов, Пенза, Сызрань, Самара, был избран заблаговременно обследованный нами мало или почти ненаблюдаемый большевиками жел[езно]дор[ожный] путь от ст[анции] Владимировка Баскунчакской жел[езной] дороги, через ст[анции] Баскунчак, Урбал на г[ород] Уральск. Станции эти не были заняты большевистскими войсками, а поэтому проход дивизиона, приспособленного для погрузки в один эшелон, был вполне возможен. **7-го января дивизион выгрузился на ст[анции] Кривомузгинской и двинулся походным порядком в направлении на Черный Яр.** Совершенно случайно ко времени выступления дивизиона со ст[анции] Кривомузгинской на эту станцию прибыли 30 человек уральцев во главе с полковником Толстовым и 2-мя пулеметами, **10 и 16 оренбургские особые сотни и дивизион 3-го Уфимско-Самарского полка.** Уральцы бежали с фронта, не желая сдавать оружие большевикам, разоружившим в г[ороде] Гомель их дивизию, двигавшуюся в пределы войска, и имели намерение также идти пароходом в свою область. Из числа **10 и 16 сотен** оказалось **также 56 казаков**, не пожелавших сдать оружие, и тоже согласных на движение пароходом. Скромные силы уральцев и особых сотен присоединились к дивизиону и численно слабый, но могучий духом, отряд двинулся к Черному Яру.

Переход от ст[анции] Кривомузгинской до ст[анции] Владимировка (250 верст) был сделан в 12 дней (с 7 по 19 января). На этом пути дивизиону пришлось двумя тяжелыми 45-и верстными переходами пересечь калмыцкую[1] степь со множеством весьма глубоких обледенелых и занесенных снегом балок и 15 января у с[ела] Каменный Яр переправиться по льду на левый берег р[еки] Волги. Местное русское население всегда встречало **дивизион весьма подозрительно:** как только весть о нашем приходе доходила до сельского комитета, немедленно собирался митинг, нам неохотно отводили квартиры, немилосердно драли за фураж и подводы, словом, всеми способами старались возможно скорее выкурить нас от себя; почти в каждом селении комитет требовал от меня отчета, что за часть и куда она идет в глухую зимнюю пору по калмыцким степям. А впереди нас шла молва, что идут казаки, грабят и убивают мирных жителей, отбирают хлеб и проч[ее]. Пришлось посылать вперед квартирьеров с квитанциями о благополучном квартировании в пройденном селении, но получив квитанцию, местный целиком большевистский комитет и не думал принимать мер к успокоению населения: [гнусная][2] лживая молва продолжала идти впереди нас.

18 января дивизион прибыл в с[ело] Владимировка. Приехав в тот же день с **командиром 8-й батареи есаулом Макутиным** на ст[анции] Ажтуба для получения необходимого подвижного состава, застали там экстренный подъезд Астраханского Войскового Атамана Генерала Бирюкова и были приглашены к нему с вагона. В своей беседе Атаман высказал, что он с Председателем Войскового круга гр[аждани]ном] Ляховским узнал о нашем проходе, выехал специально к нам на встречу с целью просить дивизион **помочь Астраханскому казачьему войску в начавшейся войне с большевиками в г[ороде] Астрахани.** Вместе с тем Генерал Бирюков сообщил, что положение дел в Оренбурге весьма прочное, что большевистское наступление только что было отбито и что в ближайшем будущем нашему Войсковому Правительству ничто не угрожает. После беседы с нами Атаман беседовал лично с казаками дивизиона, и **казаки** без всякой агитации со стороны офицерского состава согласились пойти на помощь астраханцам.

20 января в 21-м часу дивизион прибыл в г[ород] Астрахань и был торжественно встречен на станции членами Войскового Правительства с хором трубачей Астраханского полка; всему составу был предложен горячий ужин и чай с белым хлебом и маслом.

После 2-х дневного боя на границах г[орода] Астрахани, окончившегося не в пользу численно слабого и почти безоружного астраханского казачества, дивизион принужден был отойти из города на ст[анцию] Астрахань II, а затем, ввиду полной дезорганизации и фактического прекращения борьбы астраханскими казаками, решил продолжить движение в свое войско и двинулся на север к ст[анции] Урбах. В боях 21 и 22 января на улицах г[орода] Астрахани дивизион понес большие потери в конском составе и людьми, а именно: в 1-й батарее: **убито 1 казак, раненых – 4 (хорунжий Рышков и 3 казака,** из коих один остался на захваченном большевиками перевязочном пункте и, вероятно, погиб); в 8 батарее: **убит 1 казак, ранено 3 казака**; 1-я батарея, кроме того, потеряла **1 орудие.** Это орудие сопровождало по улицам города наступавшие цепи астраханцев, выбивало красногвардейцев из-за баррикад и домов и к концу дня попало под сильный ружейный огонь с дистанции 15–20 шагов, потеряло всех лошадей и часть номеров и было захвачено противником.

По прибытии 25 января на ст[анцию] Шунгай я немедленно вышел на связь с действовавшим на се-

[1] Автор имел ввиду поход через земли казахов, которых в то время назвали «киргиз-кайсаками» или «киргизами».

[2] Слово написано неразборчивым почерком.

вере начальником астраханского казачьего отряда, но прибыв лично на следующую ст[анцию] Эльтон в штаб отряда, увидел лишь оставление этой станции астраханцами под натиском наседавшего противника, порчу ими телеграфов и жел[езно]-дор[орожных] сооружений. Астраханский отряд поспешно отступал. Таким образом, только что вырвавшийся из боя дивизион вновь стоял перед необходимостью нового боя в условиях еще более тяжких. Именно: путь на север был закрыт, сзади начали наступление торжествующие победу советские войска, запад был нам не нужен, а к желанному востоку шел единственный путь через г[ород] Ханскую Ставку и путь этот начинался от ст[анции] Шунгай. В случае неудачного исхода боя мы были бы сбиты и с этого последнего пути и оказались бы безнадежно зажатыми в тиски между Баскунчаком и Астраханью. Эта безнадежность нашего положения в случае неуспеха и недостаток снарядов заставили меня отказаться от боя у ст[анции] Шунгай, немедленно выгрузиться и выйти из боевой полосы, перейдя походом в район г[орода] **Ханская Ставка** для дальнейшего следования через область Букеевской орды в пределы **Уральского войска**.

После 12-и дневного похода по киргизской степи дивизион 5-го февраля прибыл в Уральскую область в станицу **Сламихинскую** на р[еку] Большой Узень в 80 верстах к юго-востоку от г[орода] Александрой-Гай.

Переход через киргизскую степь **(250 вер[ст])** был несравнимо тяжелее первого похода: степь была покрыта глубоким слоем снега, дивизион с киргизом-проводником пробирался от аула к аулу по едва заметной тропе, резал колесами высокие снежные сугробы, ночевал в землянках, а главное совершенно не имел зернового фуража, довольствуя лошадей одним сеном. Ослабевшие лошади заменялись верблюдами **и к концу похода почти во все уносы[1] были впряжены верблюды.** В таком виде дивизион вступил в стан[ицу] Сламихинскую и был торжественно встречен **делегацией от лица станичного общества, поднесшей хлеб-соль. Сламихинская станица** приняла на свой счет продовольствие, людей и лошадей дивизиона в течение всего времени **пребывания в ней дивизиона**. Предполагалось дать 3-х дневный отдых людям и лошадям, переложить орудия и зарядные ящики на сани и проделать **путь на Уральск**. **Но здесь впервые дивизион узнал о занятии Оренбурга большевиками**[2] и об отходе Войскового Правительства к Верхнеуральску. Между тем, полученные от Войска Донского денежные авансы пришли к концу, а изнуренный предшествующим 500 верстным походом конский состав дивизиона не мог выдержать дальнейшего еще более дальнего и тяжелого похода к г[ороду] Верхнеуральску, тем более что по словам местных жителей снега впереди было еще глубже, ночлеги у тех же киргиз то же бездорожье и тот же, если не больший недостаток, даже сена, а до **Уральска еще 240 верст**.

Ввиду этих условий на общем собрании дивизиона 6 февраля было решено отказаться **от дальнейшего похода**; сохраненные от большевиков орудия передать **Уральскому казачьему войску, которому предстояло в самом близком будущем** неизбежная борьба с большевиками и которое своих орудий не имело, а казаков распустить в отпуск до распоряжения, оставив у них **на руках имеющиеся казенные орудия**.

8 февраля казаки обеих батарей были распущены, материальная часть и канцелярия сданы Сламихинскому станичному правлению, и дивизион временно расформирован.

Офицеры по окончании необходимых письменных работ прибыли 20 февраля в г[ород] Уральск, где были сданы в Войсковой Штаб наиболее важные документы. По окончании и этих работ офицеры большей частью остались в Уральской области, часть разъехалась по другим городам. Здесь же в Уральске дивизиону присоединились бывшие в отпуску и принимавшие участие в боях под **Оренбургом Есаул Горохов и прапорщик Смолин** и поправившиеся после ранения **22 января хорунжий Рышков.**

Неизвестность местопребывания Войскового правительства во время царившего в Оренбурге большевистского режима не дала мне возможности явиться и лично доложить Вам, г[осподин] Атаман, о действиях 1-й и 8-й батарей в г[ороде] Астрахани и о тягостном походе их с фронта в пределы войска. Не наша вина, что нам не суждено было послужить войску с теми пушками, которыми мы так дорожили, но передавая их с тяжелым сердцем Уральцам дивизион надеялся, что он принесет пользу если не родному войску, то нашим ближайшим единокровникам братьям-уральским казакам и что войско Уральское не откажется вернуть нам наши орудия, когда казачье знамя вновь гордо взовьется над Оренбургом. Дальнейшие события на Урале показали, что оренбургские пушки были не напрасно с такими трудностями привезены с фронта, а факт, что первые выстрелы, раздавшиеся на Урале против банд грабителей и изменников Родины, были сделаны **из орудий 1-й и 8-й Оренбургских казачьих батарей,** не может лечь темным пятном на славное прошлое 1-го дивизиона и Оренбургского казачьего войска.

Донося об этом Вам, г[осподин] Атаман, прошу по долгу службы если признаете действия 1-й и 8-й батарей заслуживающими внимания, объявить об этом в приказе по войску, так как чинам дивизиона, особенно казакам, живущим в станицах, было бы отрадно видеть, что дело, которое они совершили, не маловажно по своему значению и что труды их оценены Войсковым Правительством.

Вр[еменно] Командующий дивизионом
Войсковой Старшина Пискунов (*подпись*)

Таким образом, публикуемый документ отражает события начального этапа Гражданской войны в Оренбуржье. Автор документа, войсковой старшина Н.А. Пискунов, пишет весьма осторожным тоном,

[1] Пара верблюдов, находящаяся впереди коренной (т.е. основной) пары лошадей (См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М. 1987. – С. 681).

[2] Эта часть предложения выделена Н.А. Пискуновым более крупными буквами.

аккуратно и, видимо, в сложной обстановке непонимания, что будет дальше. По содержанию рапорта понятно, что у его автора уже нет надежды на мирное разрешение конфликта.

Одной из малоизвестных страниц истории является возвращение казачьих частей с фронтов Первой мировой войны, восприятие казаками-фронтовиками происходящих в стране и регионе событий и реакция на них. Отметим, что такой документ открывает малоисследованные факты, предшествующие национальной трагедии Гражданской войны и началу активных боевых действий на Южном Урале.

Источники и литература

1. *Абрамовский, А.П.* Мятеж атамана А.И. Дутова / А.П. Абрамовский, В.С. Кобзов // Челябинск. Энциклопедия / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Челябинск, 2001.

2. *Белый, А.И.* К истории войскового архива уральского казачества / А.И. Белый // Вторые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: Сб. науч. ст. / науч. ред. С.В. Любичанковский. – Оренбург, 2006.

3. *Ганин, А.В.* Архивные коллекции по истории оренбургского казачества и их судьба / А.В. Ганин // Отечественные архивы. – М., 2006. – № 1.

4. *Ганин, А.В.* Атаман А.И. Дутов / А.В. Ганин. – М., 2006.

5. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 1912. – Оп. 2. – Д. 95. – Л. 13–17.

6. *Семенов, В.Г.* Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. / В.Г. Семенов. – Оренбург, 2010.

УДК 902

Н.В. Косорукова, М.А. Кулькова, Н. Солдатенкова

РЕКОНСТРУКЦИЯ УСЛОВИЙ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ГОЛОЦЕНЕ НА ПАМЯТНИКЕ КАРАВАИХА 4 ПО ДАННЫМ ГЕОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОЗЕРНО-АЛЛЮВИАЛЬНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

В статье рассматриваются результаты геохимических исследований разреза на торфяниковой ранненеолитической стоянке Караваиха 4 на р. Еломе в бассейне оз. Воже с целью реконструкции условий обитания древнего человека. По данным геохимического анализа горизонт залегания находок соответствует периоду существования мелководного слабопроточного водоема типа старичного озера с теплыми климатическими условиями.

Торф, сапропель, стоянка, неолит, геохимический анализ, озерно-аллювиальные отложения.

The article is devoted to reconstruction of environmental conditions during ancient people existing on the Early Neolithic peat site Karavaikha 4 on the base of geochemistry of alluvial lake deposits and cultural layers. The site is located on the shore of the Eloma River flowing to Vozhe Lake. The sedimentation of cultural layer occurred in shallow, weak flow oxbow lake during warm climatic conditions.

Peat, gyttja, archaeological site, Neolithic, geochemical analysis, alluvial-lake deposits.

Стоянка Караваиха 4 находится в Кирилловском районе Вологодской области на левом берегу р. Еломы (рукав р. Модлоны, обе впадают с запада в оз. Воже), примерно в 18 км от ее впадения в оз. Воже, 1,5 – 2 км выше по течению от Долгого озера (озеровидное расширение реки Еломы) и 150 м ниже известного Караваевского могильника, раскопки которого проводил А.Я. Брюсов в 1930 – 50-е гг. [2].

Памятник Караваиха 4 расположен на низком болотистом берегу, покрытом кустами и кочками. Памятник открыт в 2002 г. объединенной археологической экспедицией Череповецкого государственного университета и Череповецкого музейного объединения под руководством Н.В. Косоруковой, за 2003 – 2014 гг. на нем заложено 16 раскопов общей площадью 484 кв.м. (рис. 1) [3] [5], [7] и др. Основной комплекс находок относится к эпохе раннего неолита; находки залегают под слоями торфа, оторфованного суглинка и сапропеля, на глубине 1,2 – 1,4 м от поверхности. Уровень залегания находок связан с очень тонкой (1 – 2 мм) прослойкой песка, фиксируемой на контакте сапропеля и материковой глины на прибрежном участке памятника или на контакте сапропеля и погребенной почвы (темно-коричневого суглинка) на удаленной от берега части памятника. На отдельных участках прослойка песка имеет несколько большую мощность – 3–5 см.

На стоянке выявлены две длинные и узкие западины, выходящие в реку, и в них – сооружения из деревянных столбов, вбитых глубоко в материковую глину вдоль краев западин; дно западин понижается в сторону реки. Данные западины со столбами интерпретируются как рыболовные ловушки, располагавшиеся в древних ручьях-заливах. В западинах обнаружено значительно больше находок, чем за их пределами, они залегали на самом дне западин, на глубине 1,6 – 2,2 м от поверхности. Находки представлены разнообразными изделиями из кости, рога, кремня,